

0. В НАЧАЛЕ БЫЛО ОДИНОЧЕСТВО...

28/03/2020

Мы не поехали в Париж. Так просто, без всякого сожаления. Заранее заказали билеты на поезд, номер в гостинице, вот только с программой на эти три дня все тянули и тянули... а потом, почти не сговариваясь, решили не ехать... без сожалений, без попыток оправдать свой поступок... Мы остались дома и облегченно вздохнули, как-то сразу...

Париж был отправной точкой того, что мы не сделали, а потом все стало само по себе вымываться из наших планов, уступая место облегченному вздоху и дому, который надежно защищал, кормил, поил и развлекал, по мере нашей находчивости.

Миром заправляла невидимая сила, окрещённая в народе Коронай. Она объединила страны и континенты, умудрившись в кратчайшие сроки установить свою власть над всем земным шаром. Сначала ещё казалось, что мы не однородная масса, что между нами есть различия. Некоторые сопротивлялись активно, перекрыв все входы и выходы для её посланцев, некоторые пытались упорно не замечать её присутствия, некоторые пытались воздействовать на неё доводами разума, но в конце, все покорились её правлению и стали тем, чем мы являлись на самом деле от начала всех начал — родом человеческим — легкоранимым и доверчивым. Да и то сказать, по слухам, новая, бесспорная правительница мира — прямой потомок того Змея искусителя, что открыл роду нашему в лице Евы, сладость знания, восстановив тем самым Творца против своих любимых созданий. Грандиозное, судьбоносное неповиновение! Кто-то верит истово, кто-то аллегорически, а от мыслей никуда не убежать... времена навевают...

Мы отказались от походов на выставки, концерты, спортивные и театральные представления, опасаясь людных мест. Кто знает, может эта кара ниспослана нам за нашу приверженность толпе, массе? Чего только не испробовало человечество за свою историю? Религии, государства, партии... Слишком нам удобно в стае... и теплее и смелее, да и власть имущим, управлять нами легче — разделяй и властвуй, кто не с нами тот против нас...

Корона, обвив нас кольцом своих крепких объятий, поставила нас лицом к лицу всего перед одной туманной угрозой, грядущей бедой, возможностью поджидающей за углом опасности. Невидимый враг, безмолвно бросающий свои жертвы к порогам наших домов, ввёл нас в безрассудное бешенство, сменившееся вселенским ступором, тревожным ожиданием и покорностью...

Все вы подсудны, все вы подвержены, никто не защищён... и всплакнули мы о братстве обреченных, и разошлись по своим углам, и дух Короны беспрепятственно витал между нами.

Нам запретили посещать пожилых и престарелых. Для кого-то облегчение, а для других — пытка. Родители, дедушки и бабушки, не говоря уже о прабабушках и прадедушках, остались один на один со своими страхами. И самым опасным для них оказались их дети, их будущее, ими рождённое, возвращённое, лелеянное. Исконное: Ради детей! — обернулось против них. Будущее освобождалось от прошлого, сбрасывая его как сносившуюся, ненужную кожу. Разве не мы говорили, что резко увеличившаяся продолжительность жизни угроза нашим пенсионным фондам? Что молодые откладывают деньги на пенсии, а старики их используют сейчас, и на старость ныне молодых просто не хватит средств. Деньги стремительно обесценивались. Сначала это пугало, но постепенно и их реальная стоимость стала очевидной. Ни масок, ни дезинфицирующих средств, исчезнувших в неизвестном направлении на них было не купить, а о здоровье даже и говорить не приходилось — болезнь не очень-то вникала в финансовое положение своих жертв. Одна за другой закрывались страны, отменялись полеты, останавливались поезда, перекрывались дороги... Европейский союз оказался в этой ситуации тем, чем он и был все эти годы — красивым символом, идеей, лишённой реальной силы и влияния. Невиданная до ныне сила витала над миром и не было от неё укрытия во вне, и загнала она всех по домам, с тем, что создали они в своей жизни, каждый со своим: для кого-то с самым дорогим, для кого-то с самым ненавистным, а порой и со случайным, необъяснимым... Каждой твари в уникальном, самобытном варианте — Ноев ковчег в современном мире, где мало кто пашет и возвращает свою скотину. И отправилось человечество, каждый на своём плавучем средстве, кто на лайнере, кто на прогулочном корабле, кто на утлой лодочке, а кто и на плоту... каждый со своим скарбом, со своим миром... в самое опасное и неизбежное путешествие на свете — в глубь своей Души... и было это благо, но многие остались позади...

- 2 -

0. ИСПЫТАНИЕ СВОБОДОЙ

11/04/2020

Всё написанное сегодня, завтра может оказаться неактуальным, ошибочным... поспешным...

Мы плывём посреди огромного Океана. Волны из цифр, чисел, слов, раскачивают нас, бросая то в одну, то в другую сторону. Порой они, как мелкие барашки на воде, укачивают нас, и мы позволяем себе сладкую дрему в надежде на лучшее, а порой налетает грозный шквал и, в преддверии шторма, мы ещё глубже спускаемся в наши трюмы, страшась неведанного. Мы дрейфуем по воле информационных ветров и статейных потоков. Чем дальше мы отплываем от привычного, тем ближе нас прибывает к себе. В наших трюмах ещё достаточно еды и воды, за нашими иллюминаторами тишина, а над головами восхитительно чистое, голубое небо. Мы изолированы, хотя и не одиноки — общность судьбы лишает нас права на исключительность личного одиночества... будь оно

вынужденное, навязанное, взятое на себя самостоятельно. Говорят, что, когда Смерть правит бал, мы все одиноки, но если нырнуть немного глубже, то получается, что бал на редкость непопулярный. Какой-то сезонный грипп собирает на своих торжествах куда больше народу...

Пандемии, всеобщие катаклизмы – излюбленная тема фантастов. Человечество, поставленное перед смертельной угрозой – благодарнейшая почва как для психологических этюдов, так и для кинематографических ужасиков. А в реальности? В реальности всё оказалось совсем по-иному. Как в картинках, где в одинаковом интерьере требуется найти отличия. Первое, и, пожалуй, самое необычное, в сегодняшней ситуации это то, что мы невольно являемся её основной причиной. Наше передвижение в свободном пространстве превращает нас в потенциальных убийц. Звучит ужасно, но элементарный выход из определённого нам пространства подвергает опасности не столько нас лично, сколько окружающих. Невидимый враг может сидеть спокойно в наших телах, не проявляя себя до поры до времени, но выведи его на прогулку, и он размножится и понесется по свету, седлая тех, кто покрепче и смертельно поражая тех, кто поуязвимей. Мы – вершина пищевой цепочки, куда мы себя так высокомерно поместили до эпидемического периода, оказались всего лишь средством передвижения для кого-то более прыткого, ухищрённого, живучего... для невидимого вируса. Он не столько убивает, сколько держит нас всех в страхе, заставляя шарахаться друг от друга, истерически намыливая руки, которые упорно пытаются досадить нам, невольно устремляясь то к носу, то к глазам, а то и вообще ко рту. Оказывается, мы и себе враги, и для окружающих верная погибель. Не выходите на улицу – берегите других! Геройство упразднено... я не о тех, кто по долгу службы на посту... Им честь и хвала, да вся надежда на них...

Самое страшное в катаклизмах это разрушение привычного мира, страх растерять своих родных и близких, оказаться изолированным от них. Нынешний девиз: Закройтесь в своих домах! Сплотитесь вокруг своего семейного очага... Ограничение свободы, говорите вы, но разве можно ограничить свободу предоставив вам в полной мере именно то, что вы создавали по своей свободной воле? Из всего есть исключения... сегодняшняя ситуация, подобно лакмусовой бумажке, ставит нас перед истинным положением вещей. Кто-то впервые задумается о правильности своего жизненного выбора, кто-то наконец-то утвердиться в своём решении разорвать ненавистные, ошибочные пути, а кто-то вдруг увидит того, кто рядом, совсем с другой стороны, и с удивлением примет и полюбит... Сколько судеб – столько вариантов. С царской щедростью предоставленная возможность. Предупреждение... очень ненавязчивое, ещё с надеждой на наше благоразумие, на нашу способность мыслить и меняться. Не шлепок разыгравшимся несмышлёнышам, а совет взрослому, немного заигравшемуся подростку: Посиди, подумай! Я всё ещё верю в тебя...

Ох уж этот подростковый возраст Человечества... Нам всё ещё кажется, что нет ничего слаще Свободы. Мы всё ещё думаем, что Свободу нам даёт кто-то, что ею можно одарить или её можно забрать.

Свобода! Есть ли что-то слаще её? Есть ли что-то опаснее и страшнее её?

Свобода – это ежеминутный выбор. Можно вставать, а можно не вставать по утрам... Можно умываться, а можно и нет... Можно целый день ходить в пижаме. Можно читать, а

можно весь день провести перед экраном. Можно заполнить день разговорами, а можно замолчать на недели... Право выбора – самое тяжкое бремя свободы. Бремя ответственности – нестерпимый груз... Можно и на улицу выйти и в толпу собраться... — Вот, вот тогда тебя и остановят власть хранящие – скажите вы и будете правы. Вот только настоящая свобода подразумевает полную и безграничную ориентацию в окружающем мире, открытость и доступность всей возможной информации и точное представление о всех возможных последствиях. Если вы осознанно решаете нарушить карантин и собрать многоярусный митинг, вопреки всему, вы должны взвесить все за и против. Если вы решили, что игра стоит свеч, даже ценой превращения себя в ходячего убийцу, следуйте за своим решением... Свобода подразумевает добровольное принятие последствий. Некого упрекать, некого обвинять...

Мы плывём посреди огромного Океана. Волны из цифр, чисел, слов, лижут борта наших ковчегов. Мир за бортом кажется враждебным и незнакомым. Мимо проплывают такие же как мы, обескураженные, страшась, притихшие. – Доброго вам дня! Да минует вас беда! – приветствуют они нас, и мы отвечаем им тем же. На расстоянии всё выглядит иначе... «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии, когда кипит морская гладь – корабль в плачевном состоянии» *. Всё привычное ранее оказывается под вопросом. Нам многое придётся пересмотреть, когда всё это останется позади... Морская гладь сегодня спокойна как никогда прежде, солнце серебрит её поверхность. Наши корабли на дрейфе в открытом Океане и на его глади проступают наши отражения, у каждого своё...

*Из стихотворения С. Есенина «Письмо к женщине»

- 3 -

0. ...И ПОКОЙ ПОСЛЕДНИХ НЕДЕЛЬ ПОКИНУЛ МЕНЯ...

17/04/2020

Ночью меня разбудила тишина. Я даже встала проверить, что окно по-прежнему открыто... Наш дом стоит на возвышение, а внизу проходит оживлённая трасса. Постоянный шум, доносящийся оттуда напоминает шум океана, равномерный, протяжный. Внутри дома он не слышен, но стоит выйти в сад или открыть окно, как звуки несущихся машин, врываются в нашу тихую обитель. Меня это греет... Жизнь, кипящая за пределами дома, напоминает о себе и, подобно океану, заставляет нетерпеливо биться сердце, рисуя в воображении невидимые дали, далёкие горизонты, зовя за собой, а порой, наоборот, шум дороги-океана, заставляет сильнее ощутить тепло и уют родного очага. Ночью, если позволяет погода, я оставляю окно в спальне приоткрытым, и шум дороги убаюкивает меня, храня мой покой и сон.

Этой ночью меня разбудила тишина. Дорога молчала... На фоне всего происходящего в последнее время, это казалось зловещим, пугающим. Я попыталась опять заснуть, но странное ощущение ответственности не позволяло закрыть глаза. Что если только они, вглядывающиеся в онемевшую темноту, удерживают этот мир от окончательной гибели? Впади я сейчас в сон, и больше не во что будет просыпаться, всё исчезнет, раствориться в тягучей тишине. С широко раскрытыми глазами я ждала хоть какого-то знака, и только заслышав знакомый звук шин по асфальту, опять погрузилась в сон.

Это был странный сон. Он растянулся на всю ночь и, будящей меня периодически тишине, было не под силу разрубить его пути... Он возвращался на прерванное место и продолжал это непонятное, нелепое повествование. Даже во сне, всё происходящее казалось абсурдным, но навязчивая повторяемость заставляла задуматься, выискивая смыслы, значения. Сон был обо мне и ещё о ком-то, кто был много моложе. Мы встретились на какой-то вечеринке и почему-то, скорее всего ради смеха, объявили окружающим, что собираемся пожениться, и, не откладывая в долгий ящик, мы тут же начали подготовку к свадьбе. Нам не о чем было говорить друг с другом, у нас было очень разное прошлое, наши знания не пересекались ни в чем... даже наше физическое сближение происходило как-то параллельно: больше как любопытство, чем страсть и влечение. Единственно в чём мы совпадали, это была наша абсолютная честность перед друг другом и ещё, странная боязнь разочаровать окружающих. – Наверно это кому-то нужно, наверняка это имеет смысл – говорили мы себе и, доверившись судьбе, шли бок о бок по предначертанному пути.

В дом, на высоких сваях, можно было подняться только по шатких верёвочным лестницам. Со всех сторон его окружал хвойный лес, и земля была устлана мягким ковром из сухих иголок. Солнце тонкими, редкими клинками пронзало чашу, и только на крыше дома разливалось ярким, слепящим ореолом. Стараясь не ослепнуть от его отражения, мы осторожно поднялись наверх. Здесь, в доме нас встретила женщина с копной седых, причудливо уложенных волос. “– Платье будет тебе в самый раз”, — произнесла она, глядя мне прямо в глаза. Из соседней комнаты вышли две девушки, осторожно неся на вытянутых руках небывалой красоты свадебный наряд. В следующий момент, они втроём уже поправляли его складки на мне и колдовали над моим лицом и волосами. Потом, оглядев меня со всех сторон и дав мне привыкнуть к своему отражению во всех зеркалах, женщина попросила не снимать платье до следующей примерки и проводила до выхода, прямо к шатким канатным ступеням. Заметив, что я мешкаю и с недоверием смотрю на предстоящий спуск, она легонько подтолкнула меня к распахнутой двери и, посмотрев заговорщически, прошептала: ты сама, не поверишь.

Теперь вместо леса, внизу шумел многолюдный, залитый весенним солнцем город. Я уверенно вышагивала среди его праздной толпы, не переставая удивляться удобству своего наряда, ощущая необычную лёгкость в походке и, разрастающейся с каждой минутой, любовью ко всем, с кем сталкивала меня судьба.

В наш следующий приход, дом на сваях утопал в нежной зелени весенней листвы, а вся земля вокруг радовала глаз разноцветным цветочным ковром. Женщина удовлетворённо окинула взглядом мой наряд и приладила белоснежную, невесомую фату, накрепко переплетя её с прядями моих волос. – Вот теперь вы готовы к свадьбе – сказала она, садясь,

в непонятно откуда возникшее мягкое кресло, и две её руки, подобно двум белым птицам разместились параллельно на ее коленях. Мы опять шли по людным улицам города, воздушная фата развевалась за моей спиной и всё покрываемое ею, превращалось в белесый туман. Улицы пустели, стремительно закрывались магазины, кафе, рестораны. Мы пытались остановиться, задержать небытие, рождаемое разрастающиеся до невероятных размеров фатой. Жених моего сна пытался закупить как можно больше хлеба в ещё открытых булочных, чтобы не дать умереть от голода тем, кто оставался позади, но оказавшись за нами, хлеба также поглощались туманом, за которым не было видно ни зги. Я опять и опять просыпалась в тишину, ждала знака и пыталась отогнать навязчивый сон. Утро, обычно тяжелое время суток, но на этот раз только оно смогло прогнать ночное наваждение, заглянув в комнату холодными лучами солнца и зашуршав привычными звуками трассы. *Вот только осадок, тяжелый осадок вины и печали, никак не проходил и покой последних недель покинул меня...*

- 4 -

0. НЕВОЗМОЖНЫЙ ВЫБОР...

20/04/2020

Много лет тому назад мне попался на глаза небольшой сборник фантастики. Название, «Те, кто уходят из Омеласа», навевающее какие-то поэтические ассоциации, привлекло моё внимание. Автор Урсула Ле Гуин была мне неизвестна, но написанное ею произвело на меня неизгладимое впечатление, навечно озадачив и всякий раз, по-новому, приводя в смятение. Каждому из троих своих детей я читала этот рассказ в своё время, лет в восемь, но не позже двенадцати, когда, как мне казалось, детский ум, не развёрнутый ещё принятыми понятиями и правилами, может найти единственный возможный ответ, но и они застыли в безысходности. Тогда мне становилось страшно и за них, и за себя...

Рассказ короткий и стремительный ... Есть город, похожий на мечту. Всё здесь в меру, всё разумно — город вечного счастья. Здесь нет власть имущих, нет служителей культа, нет бедных, нет богатых. Жители города — его основное богатство, а их жизнь — это вечный нескончаемый праздник добра и справедливости. Представьте свой идеальный город радости, и вы не ошибётесь, ибо именно такой он — Омелас. В подвале одного из домов,

в полной темноте, сидит ребёнок. Он уже давно разучился говорить и давно перестал кричать, его обнажённое тело покрыто ранами от долгого сидения в собственных экскрементах. Возможно он слабоумен от рождения, а может стал таким со временем. Раз в день ему приносят похлёбку, которая и поддерживает его существование. Все жители города знают об этой комнате. Каждый, хотя бы раз в жизни, видел этого ребёнка. В возрасте от восьми лет, но не позже двенадцати, детей приводят сюда, и показывают это запуганное, одичавшее создание, объясняя, *«...что в основании их счастья, красоты их города, нежности их дружб, здоровья их детей, мудрости их ученых, мастерства их тружеников, даже изобилия их урожаев и приветливости их небес лежат страшные страдания, которые терпит этот ребёнок.»*

Большинство, пережив первое потрясение от увиденного, идут в свои дома в слезах. Они оплакивают судьбу этого ребёнка и даже задумываются о справедливости устройства их города. *«Но постепенно они начинают понимать, что, если ребёнка выпустить, большой радости это ему не принесёт... уж слишком он деградировал... Он уже не сумеет правильно реагировать на человеческое к нему отношение...»* Слезы молодёжи Омеласа высыхают, когда они начинают понимать страшную справедливость реальности. И тогда они пытаются быть ещё добрее и благороднее, любить своих детей крепче, ценить свой город больше... ибо то, что заложено в его основе и их страдания от бессилия перед этой реальностью, делает их такими же несвободными, как и этот ребенок.

А есть и те, которые однажды увидев этого несчастного, не возвращаются в свой дом. Они навсегда уходят из города и продолжают идти не останавливаясь, не оглядываясь, всё дальше и дальше... *«Представить себе, куда идут эти люди, труднее даже, чем вообразить город счастья Омелас. Я не берусь описать место, куда идут эти путники. Возможно, его даже не существует. Но похоже, что те, кто уходит из Омеласа, знают, куда идут.»*

Знают ли? Есть ли место, которое может спасти, дать ответ? Заглушить укоры и сомнения? Кому дано право решать: кому быть, а кому умереть? Естественный отбор? Как в природе? Выживают наиболее приспособленные, крепкие, нужные? А возможно, как у Вирджинии Вульф: погибший поэт как напоминание о ценности и хрупкости жизни? Если последнее верно, то как же много поэзии оказалось в нашей повседневности! Вот только мне поэзия, именно сейчас, не ложится на душу... Не читается... Нужно время, осмысление... Происходящее сегодня так не похоже на всё знакомое нам ранее. Слишком глубокая пропасть между теми, кто «запертый» в своих домах, в кругу своих родных и близких сетует на временное ограничение «свободы» и теми, кто, в полном одиночестве, заканчивают свой земной путь на больничных койках... Между теми, кто страдает от невозможности заполнить избыток досуга и теми, кто в изнеможении падает с ног, от обилия свалившейся на них работы, в приемных покоях и переполненных палатах.

С первым вздохом новорожденного начинается неизбежное путешествие на встречу со смертью. Банальность этого утверждения, как ни странно, не лишает его трагизма, но при этом даёт и опору: «все там будем», а пока... проживай свою жизнь, по возможности, достойно. Судьба каждому уготовила и жизнь, и смерть и, до сего момента, ей никогда не изменяли ни изобретательность, ни воображение. А сейчас? Доведя всё до абсурда, она разделила нас всего одной чертой: тем направо, а тем налево. Вот и получается, что одно должно уравновешивать другое и пока мы не достигнем этого равновесия, нам не спастись.

Кто-то расплатится за тех, кому продолжить жить.

Меня страшит выбор... Не нам решать, пока ещё не нам, но сегодня, как никогда, ощущение судьбы, предопределения, не даёт покоя. Мы окунаемся в цифры, статистики, ищем и выискиваем закономерности, причинности, логику, но где-то там, умирают реальные люди... Чем солиднее число потерь, тем дальше они от нашего разума. Человек, ставший частью статистики, перестаёт быть частью нашей эмоциональной самоидентификации. История всего одной жертвы может захватить целую страну, заставив, с замиранием сердца, следить за развитием событий. Мы можем, без малейшего усилия с нашей стороны, пустить слезу, услышав в новостях историю какого-то одного, незнакомого, но вполне конкретного человека. Смерть тысяч и миллионов оставляет нас равнодушными, а реальная близость этой старухи с косой, заставляет ещё сильнее втягивать голову в плечи и отводить взгляд в сторону.

Болезнь поражает по большей части стариков – говорят нам, и мы облегченно вздыхаем (по крайней мере те, кто не считает ещё свои годы...). Потом прибавляют, что у тех, кто помоложе, были отягощающие болезни, и мы, немного с натяжкой, но опять вздыхаем с облегчением. Нам дают на выбор: возраст или предрасположенность, помимо короны. Ведь сегодня только она одна и пугает нас. Как в том анекдоте, когда закашливавшегося человека в автобусе спрашивают не корона ли у него, и услышав, что это всего лишь туберкулёз, опять-таки, вздыхают с облегчением. Всё остальное отошло на второй план. Залежи этого второго плана нам предстоит разбирать ещё многие годы...

Поражает в первую очередь стариков, сказали нам... Это практически первая информация, ставшая доступной широкой общественности. И что же мы сделали? Изолировали стариков от нашего присутствия... Для их же блага – успокоили нас, предоставив старикам самостоятельно справляться и с данностью, и с одиночеством. Дома престарелых, по всему миру, начали стремительно редеть, добровольно подтверждая избирательность эпидемии. Правительства развитых стран прилюдно бьют себя в грудь: не углядели... Кто понесёт за это ответственность? Такая болезнь... покачают головами и вздохнут облегчённо... возраст, отягощающие болезни... В суете, да панике, никому не пришла в голову идея в первую очередь протестировать и защитить стариков. Так уж это случайно? Дома престарелых для тех, на кого не хватило тепла и любви... Вопрос ментальности, скажете вы, но видимо этой коронованной особе глубоко плевать на ментально-географические особенности... она всеядна... да и старики, как-то очень кстати, оказались без присмотра.

Как страшно, когда никакой зацепки, никакого логического объяснения... Невидимый враг, поселяется внутри тебя и ждёт момента. Кому-то повезёт, а кому-то нет. Пол мира плачет – пол мира скачет. Нам даровали свободу быть собой, отняв свободу выбора...

А может всё ещё проще? Вот только мы, до поры до времени, не способны разглядеть закономерность и неизбежность этого грандиозного замысла? Может как в романе «Мост короля Людовика Святого» Торнтон Уайлдера, на обрушившемся мосту в момент трагедии находились те, кому больше было некуда идти... и может не стоит пытаться всеу промысел Всевышнего?

Как там у Раби Нахмана из Бреслава? «Весь мир — это очень узкий мост, и главное – совсем не бояться».

Возможно ему виднее...

Но один вопрос все-таки не даёт мне покоя:
Куда сегодня пошли бы те, кто уходят из Омеласа?

- 5 -

0. ХРОНИКИ ИЗОЛЯЦИИ... ДЕНЬ ПОД НОМЕРОМ...

24/05/2020

5:55 утра. Веки махом взлетают вверх и глаза устремляются в полумрак комнаты. Ещё один день... Ещё одно беспощадное время суток... Каждый раз в это время меня охватывает невероятная тоска, ощущение бессмысленности, неправильности... Сомнения роятся у изголовья ... Ещё один день... Пережить, переплыть...

Переплыть?

Во времена давние, былинные, мореходы брали на борт корабля клетки с птицами. Вслепую бороздили они морские просторы, в поисках земель ещё не виданных, и птицы помогали им эти земли узреть... Если, выпущенная над водой птица возвращалась, то значит плыть им ещё и плыть, а если навсегда исчезала за горизонтом, то были они уже близки к цели.

Вот и я, пока ещё на плаву, всё чаще и чаще запускаю в будущее птиц своих раздумий. Мои птицы продолжают возвращаться ... порой умиротворённые гладью морской, порой потрёпанные штормами, но чаще, притихшие, они добровольно забираются в свои незапертые клетки и отрешённо сидят по углам...

Когда-то, будущее, в мельчайших деталях, являло мне себя во снах. Сначала это пугало, со временем стало привычным (почти бытовым), пока однажды просто не исчезло... С тех пор приходилось жить, полагаясь на здравый смысл да на жизненный опыт. Худо-бедно, но прожить можно...

И вдруг, всё изменилось, да так стремительно, что прежний опыт стал бессмысленным, а

здравый смысл растерял все свои ориентиры ...

Я и не заметила, как мой корабль заплыл в болотные воды... они затягивают его всё глубже и глубже... время растягивается, перетекает через борт и навсегда исчезает в беспросветной тьме под кормой. Сознание погружается в густую тину: мягкую, теплую, тягучую...

Покой, сгущающийся вокруг меня, зловещ, но, до боли, знаком. Раньше он был изыском, отметиной, а теперь стал обыденностью, а значит, потерей...

«Я, как выдавший виды мореход,
все вещи для меня аборигены,
наивны, неподвижны, неизменны,
а мне видений полон небосвод.
Весь этот мир, теснящийся вокруг, —
пустыня, он безлюднее луны,
но в них все отклик, отзвук и испуг,
и все слова у них населены.
Но вещи, мною взятые сюда,
ушли в себя в предчувствии потери:
в своей стране они лихие звери,
а здесь дышать не в силах от стыда.» ***

Я знаю, что нужно встать, подойти к окну, впустить в комнату утренний свет, наполнить её воздухом и вернуться в постель. Если повезёт, то сон опять заберет меня к себе и тогда, часа через два, я смогу проснуться в новый день без боли сомнений. Если повезёт...

P.S. Людей на улицах, в привычных мне пределах, почти не видно. Только непривычные, длинные очереди у магазинов наводят на грустные размышления. Они на редкость, тихи и послушны... Полтора-два метра — расстояние непреодолимое, маски на лицах, да и перчатки на руках к общению мало располагают. Ни улыбнуться, ни руки подать...

Как же стремительно мы изменились? Как покорно изменили себе и себя...

*** Одинокий — Р.М.Рильке — перевод В.Куприянова

0. ОЧАРОВАНИЕ НЕПОКОЯ... ПРИЯТИЕ

31/07/2020

Мне нравится носить маску. Да, именно эту, простую медицинскую маску, навязанную временем. Как и всё в этом карантине, она не столько защищает тебя, сколько предохраняет от тебя окружающих. Если ты болен – от тебя будет меньше вреда, а если здоров, то... Я не сетую. Мне нравится ходить в маске, согреться своим дыханием, прятать лицо за ширмой и представлять себя невидимкой. Если закрыть глаза, то можно совсем исчезнуть. Вот ты есть, а вот тебя уже и нет. Когда не можешь беспечно улыбаться, демонстрируя своё дружелюбие к ближнему, смотреть на окружающих не так уж и приятно. Но мне нравится... Можно думать о своём, не заботиться о внешнем, не пытаться понравиться. Моя давняя мечта бесследно раствориться во вселенной, плавно вписывается в реальность, даруя мне покой и смирение.

Впрочем, со смирением всё ещё приходится работать. Мне не нравится, что мне нравится носить маску! Слишком лёгким оказался отказ от всего привычного. В этом больше нет ни бунтарства, ни захватывающей игры, ни протеста. Стоять в стороне с гордо поднятой головой логичнее в одиночестве, а когда каждый в толпе одинок и отгорожен (на узаконенных! два метра друг от друга) – это, по логике вещей, выхолащивает саму идею...

В добровольном, единичном отказе от общности есть вызов, но есть и скрытая надежда на то, что не позволят, позовут, воспротивятся, и тогда, из противостояния появятся необходимые силы, отточится непоколебимая уверенность, наполняться ветром паруса, забрезжат на горизонте и смысл и цель. Тогда можно, не оглядываясь, с той же самой гордо поднятой головой и горящим взглядом, устремиться и воспарить! Двухметровое одиночество в очереди за продуктами... Как там у Рильке? «В своей стране они лихие звери, а здесь дышать не в силах от стыда».

Я люблю одиночество своего угла. Всегда любила создавать своё пространство. С годами углов в нём появлялось всё больше, назначения их становились всё разнообразнее, причудливее. Это давно уже не углы, а комнаты, кабинеты, мастерские, библиотеки. Здесь мои закадычные друзья – книги, там мольберт, а чуть дальше: стол со всем необходимым для творчества, стеллажи с аккуратно разложенной кожей (увлечение, за которым меня застала корона), холсты, краски, кисти. Есть комната где я пишу, есть где читаю и слушаю музыку, да ещё огромный сад... мои пространства. Возвращаться сюда после путешествий настоящее блаженство. Всегда покидала их с грустью, а пребывала в них с благодарностью. Добровольный отказ от мира вне — как же он сладок... Это как погрузиться в тёплые воды океана, согретого солнцем, распрямиться на воде, обратив лицо к свету и погрузиться в сладкую дрему под мерный гул глубин. Тело доверчиво покоится на водной глади, бесстрашное и покорное, парящее над водой и влекомое глубинами. Безграничная свобода и смертельная опасность в единый миг. Но увы... Созданная тобою вселенная, всего лишь крупинка целого мира, неизбежно подчинённая внешним законам, правилам. Ты в ней хозяйин, в ней ты скрываешься, оставляя за ее пределами все маски, сдерживающие начала, страхи, чаяния. Какое это благо! – привычно думаешь ты, но вот сторожевые псы располагаются по две стороны твоего порога и твоя крепость, твоя уникальная вселенная, становится тюрьмой. Ты это понимаешь не сразу. Ещё долго тебе кажется, что ты защищён, но время начинает топтаться на месте, солнце сменяется дождём, бутоны цветов в саду распускаются и опадают, а внутри твоих пространств время останавливается и даже пыль перестаёт оседать на их поверхностях. Разве не ты останавливала все часы в доме, утверждая, что нужно жить по внутренним часам, повинаясь своим ощущениям и порывам? Разве не ты утверждала, что нельзя становиться рабами времени? Дарю себе безвремяе! Не то, которое мостом между двумя горящими берегами, а то, которое бесконечно и вечно! Волей своей – это сладость, а вот подневольно...

Я невольно начинаю создавать временные пределы. Каждый день ровно в пять часов вечера я отправляюсь готовить ужин. Около шести я звоню в колокольчик над входом в кухню и зову своих домочадцев к столу. Кухня — это тоже моё пространство. Единственное пространство, где мне необходимо дыхание времени. Причем это дыхание должно быть в спину, в затылок, четко, ясно и без сантиментов, без изнуряющих кружений вокруг да около. Мне нужны новости, обзоры, реалии, тамтамы войны, катаклизмы, конфликты. А возможно, мне просто нужен человеческий голос, озабоченный, заинтересованный, переполненный эмоциями, мыслью, мощным потоком жизни. Давняя привычка, приобретённая в одной из прошлых жизней. Я не люблю оглядываться назад, не возвращаюсь на прежние места – всё благоприобретённое тащу в своём заплечном мешке. Его тяжесть не даёт мне окончательно оторваться от земли и исчезнуть в небытие.

Кухня наполняет день запахами, вкусами, новостями и общностью. За столом нас сейчас трое: моя мама, мой муж и я, да ещё кипящая жизнь снаружи (с некоторых пор, мы не выключаем её поток даже за вечерним столом). Мне нравится кормить свою семью. Каждый вечер колдовать над кастрюлями и сковородками. Это придаёт хоть какую-то целостность жизни, сопричастность и, главное, выстраивает узаконенный распорядок дня. Ненавистная мне ранее, презируемая и отвергаемая мною рутина! Островком устойчивости, якорем в бескрайнем просторе, она придаёт нашей сегодняшней жизни некую определённую. Меня завораживает эта моя новая тяга к постоянству, удивляет и пугает. Неужели моё пресыщение всем, к чему я так настойчиво стремилась всю жизнь, прибило меня к этому простому, житейскому, утилитарному и банальному выходу?

Порой я пытаюсь подтолкнуть себя, расшевелить. Я соблазняю себя общением. Ты ведь не можешь совсем отказаться от всех социальных контактов, от встреч, хотя бы и виртуальных, от разговоров, обменов впечатлениями, новостями, переживаниями – говорю я себе. И сама же себе отвечаю, с едва скрываемой усмешкой – ещё как могу, с лёгкостью. Я себя не обманываю, но мне за себя порой страшно. Тогда я звоню тем немногочисленным друзьям, с кем мне легко и свободно, и мы заводимся на час, а то и дольше. Как о многом можно поговорить, когда на одной волне, когда темы сами приходят в голову, перегоняя одна другую, когда благожелательность так и струится через волшебные мембраны, согревая и переполняя радостью этого самого общения, от которого ты так опрометчиво бежишь в уют своего добровольного заточения. По иронии судьбы, именно в такие моменты свободного полёта вдвоём, на пороге комнаты появляется кто-то из моих немногочисленных домочадцев и осуждающе глядя на такое несвойственное мне времяпрепровождение, бросает недоуменный взгляд или задаёт, лишённый всякого смысла, вопрос: ты всё ещё на телефоне? Конечно, нет! Я намного дальше! Отсюда, ото всех и от всего, а дальше всего от самой себя! Странное ощущение запретного баловства, дурачества, своеволия окатывает меня и мысль, на первый взгляд нелепая и абсурдная, заставляет в очередной раз задуматься ... Каждый раз, когда я пытаюсь изменить себя или себе, меня упрекают в предательстве именно те, кто обычно попрекает и корит меня за мою устойчивую верность себе. Получается, что моя добровольная самоизоляция всем привычна... В своём одиночестве я вольна делать всё, что мне заблагорассудится, а выйдя из него, я становлюсь удобной мишенью. Я становлюсь как все? Изначальный бунт завершился консенсусом... После разговора мне легко и светло, у меня много новой информации, размышлений, планов... Меня накатывает волной покоя и благодати, в который уже раз, я даю себе слово не замуровывать себя в своих множущихся углах. Вот только результат оказывается совсем иным, и, с благодарностью вспоминая прелесть одного общения, я без сожаления прерываю все остальные, которые не дотягивают до только что полученного удовольствия. Освободитесь от связей, в которых вам нет благодати. Кажется, это звучит так? Окрыленная одним общением, и отказом от многих других, я брожу по своим пространствам. Чем-то меня это радует, а чем-то озадачивает.

В эти странные дни, две стороны одной медали поразительным образом лежат в одной плоскости и зримо одновременно. Нравится – не нравится, правда – ложь, добро – зло. Никаких противоречий! Противоречивые факты, перевертыши информации, молниеносные взлёты и падения, будь то статистические данные, настроения, прогнозы... всё это реальность, отмытая от условностей, привычностей, договорённостей. Нет дорог,

нет указателей, нет даже тропинок в густо разросшейся траве, а заборы мы привычно возводим сами... — Так ведь никуда не поедешь, кругом запреты! – скажут мне и будут правы... Если очень сильно желать то, что невозможно на данный момент, то несвобода становится нестерпимой, а если перестать к этому стремиться и переключиться на что-то более достигаемое, то запреты на свободу становятся бесполезными. Всё на одной плоскости и свобода передвижения компенсируется свободой выбора.

Меня смущает комфортность и обособленность моего бытия... Я без сожаления обнуляю свои контакты, отказываюсь от связей, не приносящих мне радости общения и всё-таки с грустью думаю о тех, кто оказался в этом списке случайных привязанностей. Сколько развенчанных очарований, преданных доверий, несбывшихся планов... Что-то есть в этих днях, что возвращает на круги свои, замыкает круг, оставляя за его пределами всё наносное и неважное.

По вечерам мы втроём спускаемся в салон, занимаем каждый своё место, согласно неведомо когда сложившейся традиции, и смотрим фильмы. Иногда это что-то по-настоящему интересное, захватывающее, заставляющее задуматься и ещё многие дни после пребывать под тем, что принято называть неизгладимым впечатлением. Вот только чаще это просто какая-то тягомотина, которую смотришь в пол глаза, сожалея о потерянном времени и оправдывая себя тем, что это наше время вместе посреди бесконечных дней неизвестности и неопределённости. Меня хватает ненадолго, и я начинаю искать что-нибудь поинтереснее... просматривание заголовков и чтение синопсиса тоже неплохое времяпровождение, согласитесь? День затухает... Не знаю, что огорчает меня больше: бесцельно потерянное время на плохой фильм или почти наркотическая зависимость от просмотра того, что нравится и затягивает. Удовольствие и досада, переплетённые в один тугой канат, перетягивают друг друга, комфортно расположившись в недрах моего беспокойного сознания. Это изнуряет меня, и я убегаю в книги. В эти дни я позволяю себе полное и безоговорочное погружение в них, и они, видимо по достоинству оценив мою самоотверженность и решимость, допускают меня до самых своих сокровенных глубин. И именно там они даруют мне второй шанс, один на один с давно забытым знанием, приоткрыть завесу истины и посмотреть в глаза самой себе... Но об этом напишу позже... *Ибо это отдельная, хотя и неотделимая от этих дней история...*

- 7 -

О. О МУЖЧИНАХ, ЖЕНЩИНАХ, ПРИЧУДАХ ЛЕКСИКИ... О КНИГАХ

08/08/2020

Странное свойство лексики, изменяющейся в зависимости от предмета разговора. Стоит мне заговорить о книгах, и я улываю... в самом буквальном смысле. И откуда только возникают эти зрительные образы, стремительно приобретающие объём, звуки, запахи... ещё мгновение и их уже не отличить от реальности... Отправиться в дальнее плавание,

погрузиться на самое дно, перейти на другой берег, вынырнуть за глотком свежего воздуха... можно подумать, что из всех стихий именно эта мне ближе всего. В действительности, плавать я умею только брассом, и уж точно не фанатик круизных плаваний и морской качки. Я люблю неподвижно лежать на воде, на границе двух стихий, опустив голову по самое лицо в воду, прислушиваясь к гулу глубин, нежась в лучах яркого солнца и наслаждаясь нежным касанием ветра. Люблю лежать на спине и люблю, набрав достаточно воздуха в легкие и затаив дыхание, перевернуться и лежать на животе. Я могу пребывать в таком состоянии достаточно долго, результат долгой тренировки ещё в детстве, но открывать глаза в воде я так и не научилась, а посему, добровольно отказавшись от всякого контроля над ситуацией, в какой-то момент становлюсь неотделимой крупницей мира вне, послушная его причудам, прихотям, капризам. Соглашусь, что это странная привычка, чреватая всякими неожиданными последствиями. Однажды, отдыхающие на берегу приняли меня за всплывшее тело и дружно бросились спасать (при этом, от усердия и чрезмерного рвения, правда чуть не утопили, поскольку у меня, к тому моменту, уже заканчивался воздух). Что ни говори, благими намерениями устлана дорога в Ад, но я не думаю, что можно объяснить причуды моего лексикона в разговоре о книгах, только страстью к лени на водных просторах, в летне-отпускной период.

Возможно, лексикон это что-то вторичное, возникающее вследствие устоявшихся видений, некой внутренней классификации, по которой я сама для себя определяю книги.

Есть книги, в которых проваливаешься на глубину с самых первых строк, на такие глубины, куда даже тонкий луч света извне не способен проникнуть. В таких книгах ты пленник, заложник, ты опять ученик, постигающий мир с самого начала. Они меняют твоё дыхание, мировоззрение, заставляют усомниться, отрывают ноги от привычной почвы, одевают бестелесностью, и вынуждают выстраивать новые ориентиры в пространстве и времени. Порой, потревоженный чем-то, ты высовываешь голову на поверхность, рефлекторно глотаешь воздух и ошалело смотришь на окружающих. В такие моменты, тебя охватывает нетерпение, досада, и ты стремишься вернуться назад, рискуя показаться грубым, бездушным и неадекватным. Ещё долго после тебе не удастся «просохнуть» и избавиться от груза, прижимающего тебя ко дну открывшихся глубин. Да, по правде, избавиться от этого не хочется, а скорее озадачиваешься тем, как пронести, не расплескать, не потерять, не забыть...

Есть книги, подобные Балтийскому морю. Страница за страницей ты бредёшь по мелководью, забавляясь рельефом песчаного дна под прозрачной водой, поёживаясь от ледяных касаний воды, вздрагивая от внезапных порывов холодного ветра, в предвкушении того момента, когда окажешься хотя бы по пояс в воде и погрузишься в нее, хоть на мгновение ощутив восторг слияния. Потом ты начинаешь уставать от ожиданий, сравниваешь расстояние от берега с возможным расстоянием до глубины, подумывая вернуться, сожалея о потерянном времени и тут... Ноги теряют опору, ледяная вода накрывает с головой, и вот уже подводные потоки и воронки соперничают за твою душу, и ты окончательно оказываешься в их власти... И трудно поверить в реальность бесконечного пути по песчаному мелководью и неловко за свою поспешность, за нетерпеливость.

Есть книги — реки. Вода в них пресная... Иногда они широки и величавы, с

множественными разливами и топиями. Свои воды они несут величаво и неспешно, увлекая потоком, завораживая вечным движением от истока до предела, следуя раз и навсегда данному руслу. Если переплыть их поперек, с берега на берег, то редко о них остаётся долгая память. Так забава, случайность... а вот если по течению...

Есть ещё бурные, горные реки-потоки. Если по течению, то в них можно и без головы остаться, а в брод... это как уж повезёт. Яркие, стремительные! Как ни берегись – поранишься... Раны конечно заживут, но метка останется.

Есть книги, написанные мужчинами, а есть — женщинами... Это уже не имеет отношения к водным стихиям, но имеет прямое отношение к моему дальнейшему повествованию.

Сразу вызову огонь на себя: Я безоговорочный поклонник мужского письма! Это не книги для мужчин, и не всегда книги, написанные мужчинами. Это вопрос не для кого и кем, а как... Порой мужчинам свойственно женское письмо, а женщинам – мужское. Так же как в наших характерах обычно нет сто процентных мужчин и женщин, а все мы больше вариации и того и другого, так и способность создавать и описывать мир не одинакова у мужчин и женщин, они имеют свои характерные черты и при желании могут быть легко узнаваемы, но формально гендерная принадлежность не всегда является их первопричиной.

Представьте себе, что вы идёте по лесу, и описываете всё, что попадаете вам по пути. Вы очень внимательны и к миру вокруг, и к вашим впечатлениям от увиденного. У вас несомненный литературный дар и способность блестящего изложения. Чем пристальнее вы вглядываетесь в этот мир, тем больше открытий он дарит вам, и вы дополняете своё описание большим количеством подробностей, точно подмеченных деталей. Вы следите за своими ощущениями, за звуками вокруг вас, отмечаете запахи, всплески эмоций, связываете это с воспоминаниями, порой вы перебрасываете мостик между событиями, насыщая и их всеми необходимыми деталями. Ваша дорога лежит через лес, и вы отвечаете за правильность описания, фиксируя как радетельный картограф, каждый бугорок, поворот, лужайку в нем, я уж не говорю о корнях и кронах. Применительно к водным стихиям, описанным ранее, это как книги-реки – обычно, по течению.

А теперь представьте, что вы идёте по тому же лесу, но лес — это только некая канва вашему повествованию. Вы тоже замечаете все окружающее, но как-то между прочим, между делом. А дело у вас невероятно важное: создать в этом лесу целый мир с его законами, укладом, с его обитателями, их историями, а ещё важнее с Историей. Этот мир должен быть обособлен от мира вашей повседневности, но при этом узнаваем, так чтобы читатель или слушатель мог поверить, сравнить и задуматься. Читатель должен полностью, с головой уйти в созданный вами мир, переселиться в него, стать его органической частью. Это те книги, в которые проваливаешься на самое дно и, выныривая на поверхность, ошалело осматриваешься по сторонам, пытаясь восстановить потерянные на глубинах ориентиры. Это мир замкнутый сам на себе, параллельная реальность, где откровения – абсолютны и субъективны одновременно. Здесь тоже будет внимание к деталям, рельефам и растительности, но целью будет не правдивость и точность описания, а достоверный дизайн, создаваемого силой воображения, уникального мира.

Если следовать моему ощущению литературы: первое – это женское письмо, а второе – мужское.

Так я определила это для себя много лет тому назад, а в последние годы правомерность

моей тогдашней догадки получила научные подтверждения. Нейрофизиологи, исследуя строение головного мозга и передачу информации между двумя полушариями у мужчин и женщин, вполне допускают, что в чистом виде одним присуща большая склонность к фиксации, а другим к интерпретации. Вот-вот! — довольно воскликнут некоторые особо озабоченные — мы же говорили! Правильно, говорили и очень уверенно, но как в том лесу, желая создать свой, замкнутый на себе, параллельный мир, узнаваемый, но не совсем реальный, главный недостаток которого, в данном конкретном случае — это его утилитарность и предвзятость. В действительности, способность передачи информации у женщин, куда рациональнее, богаче и быстрее — мы твёрдо стоим ногами на земле, все замечаем и можем делать одновременно множество дел. Феминизм мне чужд — я искренне полагаю, что тратить время на доказательство очевидного — это пустая трата времени, но в книгах я предпочитаю мужское письмо... и желательно, с головой, под воду... В эти странные времена Короны, я только-только возвращаюсь из дальнего плавания. Впечатления переполняют меня и грозят перелиться через край. Океан был щедр ко мне, но порой у меня закрадывалось подозрение, что ни я пересекаю его просторы, а он изучает меня, подбрасывая образы, истории, наблюдая за моей реакцией, подобно Океану с планеты Солярис. Я всматривалась в него, а он возвращал мне меня, заставляя время течь вспять, беря память и, ни на шутку, озадачивая.

На этот раз всё началось с фильма...

- 8 -

0. «СНИМИ ОБУВЬ ТВОЮ...»

23/10/2020

На этот раз всё началось с фильма. Вернее, с сериала. Фильмы мы смотрим всё реже и реже. Наверно это тоже примета времени. В фильмах присутствует некая законченность, афоризм, достаточно четкий, чтобы в сжатой форме донести задуманное. Как бы не была многогранна смысловая нагрузка фильма, она всегда в чем-то конечна, как сочинение на заданную тему. Сколько вариантов ни рассматривай, но тема всегда присутствует и обойти её не представляется возможным, а посему, конечный афоризм может звучать по-разному, в зависимости от зрителя, но он всегда закончен и облечен в слово, фразу, вывод. Эта категоричность во многом определяла и наше восприятие жизни: это морально, а это аморально, это добро, а это зло, так правильно, а так порочно. Что в том плохого? Да, ничего... Любое

художественное произведение в конечном итоге несет какую-то мысль, ощущение, служит какой-то цели. Вот только наша жизнь, с её «тягучей быстротечностью» протекает по несколько иным законам. Далеко не всегда резко сказанная фраза приводит к окончанию отношений, совсем не обязательно, что каждый последующий поступок является следствием предыдущего, нас ведут больше наши настроения, иллюзии, предположения, случайности, обязательства и просто растерянность, неумение и непонимание... Никто не живет на чистовую, как по написанному, и тянется это неизмеримо долго. События наплывают одно на другое, что-то отходит на задний план, что-то вдруг выходит на передний и настойчиво требует внимания, а потом растворяется в тумане и кажется уже почти нереальным. Жизнь, несмотря на кажущуюся быстротечность, ужасно длинная... Чем-то напоминает сериалы. В них обычно нет законченности, они вырванный отрезок жизни, ни одно событие не бывает абсолютным, жизнь продолжается, порой по логике вещей, а чаще лишённая всякой логической оправданности (не зря в долгоиграющих сериалах, разные эпизоды пишут разные авторы, опираясь больше на общую линию, чем на требования замысла, ежели таковой был первоначально), события-эпизоды, как обрывки памяти, забегают вперед, возвращаются назад, перекрывают друг друга, оправдывают наличие тех или иных выводов, поступков, кружатся на месте или отбрасывают целые пласты обычной рутины... всё как в жизни. Разве не так же мы плетём нить своей судьбы? Не подобно Мойрам, трём богиням судьбы, прядущим наши судьбы, определяя её путь, случайности, неотвратимость. Нет, мы рассказываем свою судьбу отменяя и добавляя, исключая и привнося... В этом нет обмана, мы, смертные, зависим от стольких случайностей...

Итак, вначале был сериал. Советовали посмотреть. Говорили о детях Миллениума, об их переживаниях, метаниях, взглядах на жизнь. Что мне до них? Другие измерения, интересы, да и годы... То состояние, когда делаешь что-то не ожидая ни откровений, ни открытий, так скоротать время, и вдруг... Захватило потоком, закружило, откинуло лет эдак на сорок и к концу первой серии я уже не очень понимала где я, где герои истории и почему-то полезла в свои старые фотографии. Взгляд героини проникал глубоко внутрь и мучительно напоминал о чем-то давно ушедшем, забытом, но невероятно знакомом. История была похожа и не похожа, мне казалось, что я слышу свой голос, могу рассказать её сама, хотя порой она и отклонялась от моего нарратива... совсем немного, в духе времени... поправка на тот самый Миллениум.

Те несколько дней просмотра отбросили меня на много лет назад и жизнь повседневная распалась на два параллельных потока. Я балансировала между реальностью сегодняшней и давно ушедшей, почему-то сравнивая и оценивая свои предпочтения. Кто мне был ближе, понятнее, роднее... Странное ощущение. Та ушедшая, казалась мне мною, а я сегодняшняя какой-то непостижимой трансформацией. Свои сегодняшние мысли и поступки я могла объяснить, оправдать, обосновать, а поступки той, давно исчезнувшей, грели душу и были до боли родными, естественными. Почему-то хотелось найти тот водораздел, который отделил одну от другой, хотелось приблизиться к тому далёкому берегу и крикнуть: вернись! не оставляй меня здесь! Но другая, взрослая, разумная Женщина, привыкшая смирять свои порывы, рассуждать и входить в положение, считаться с окружающими... другая, степенная Женщина, с недоумением смотрела на меня и укоризненно качала

головой. Мир этой Женщины был размерен и уютен, все, или почти все, её бои и войны уже отгремели и все мирные договора (почти все) были давно ратифицированы. В жизни этой Женщины были и любовь, и уважение, и достаток, а главное, неограниченная свобода, границы которой только ей и дано было определять. Вот только образ той, давно канувшей в Лету бунтарки и одиночки, не желавшей жить по правилам, настойчиво звал её куда-то, и воспоминания, спровоцированные этим фильмом, в одно мгновение разрушили устоявшее ощущение и покоя, и благополучия.

Сериал закончился, а Женщина среди привычек, периодически вылавливала себя из далёкого прошлого. Это наваждение надо было или рассеять, или, наоборот, раз и навсегда прожить и исчерпать. Пересматривать сериал она не стала, а обратилась к источнику.* Несмотря на то, что экранизация достаточно точно следовала за сюжетом, книга не отпускала ни на минуту. Перевернув последнюю страницу, Женщина ещё долго сидела вглядываясь куда-то вдаль, положив, по привычке, руку на книгу... Но книга была электронной... Сколько богатств не закладывай в неё, она оставалась просто безликим хранилищем, и под руками ощущался только холод металла. Старая привычка мысленно перелистывать страницы прочитанного, касаясь обложки полюбившейся книги... Та Девушка-бунтарка, чурающаяся компромиссов, наверняка была бы в отчаяние, а Женщина, руки которой лежали на безликой поверхности планшета, отогнав досадные мысли, попыталась увидеть «полную половину стакана» — возможно это хранилище и лишено тепла обычной печатной книги, но оно способно вместить целую библиотеку, получить книгу здесь и сейчас, стоит только пожелать, и, предупреждая несогласия себя прежней, подумала, что, если уж очень прикипит сердце к какой книге, то её всегда можно будет купить и поместить на законное место среди любимых книг. И та прежняя и эта нынешняя хорошо понимали, что есть в этом какая-то досадная подмена, что страницы, купленной потом книги не будут хранить тепла державших её рук, что, возникающие по ходу чтения, мысли никогда по-настоящему не переплетутся с текстом, что ни левая, ни правая страницы не отпечатаются памятью, что обложка не станет близкой и знакомой «как губам, имя собственного ребенка» ****, что, при беглом просмотривании корешков любимых книг стоящих на полках, сердце никогда не забьётся чаще, натолкнувшись на малознакомый образ, но...

— Во всём можно найти положительное, с грустью подумала Женщина, привыкшая к приятию данности. Женщина и Девушка одновременно склонились над сокровищами виртуальных миров, пытаясь не встречаться глазами, и почти одновременно, их взгляд упал на одно и то же заглавие. Женщина вспомнила, что ей встречался сериал с таким названием, что история эта была ещё не закончена в экранизации, а Девушка, к тому времени обретшая и плоть, и кровь, каким-то шестым чувством почувствовала, что это именно то, что поможет ей приблизиться к своей цели, к окончательному воссоединению, о котором ей многие годы уже даже и не мечталось...

Женщина искала забвения, из которого Девушка, разбуженная случайным образом, пыталась вырваться. Желание Женщины было бегством, достаточно постыдным и неуверенным. Ей не просто нравилась та Девушка, она была ей бесконечно дорога и потеря её была для неё, несмотря на все доводы разума, привычной болью, о котором она пыталась забыть, но столкнувшись с ней, она уже не в силах была сопротивляться...

Удобно примостившись на краю дивана, одинаково склонив головы над электронным

текстом, они погрузились в долгое чтение. Четыре книги**, сага о двух подругах, детство, отрочество, юность, зрелость и исчезновение. Исчезновение одной из них. Предсказуемое и желанное... Одно это уже могло взволновать Женщину и захватить потоком вглубь событий. Две подруги, чьи судьбы настолько переплелись на протяжении долгих лет жизни, что порой поступки одной казались более присущими другой — тонкая ткань переплетённых сознаний. Ведомая и ведущая... Одна — прилежная, старательная, ступень за ступенью, движущаяся вперед к вполне конкретным целям и другая, невероятно одарённая, подобная яркой комете, освещающей всё на своём пути, устремлённая к одной ей видимым вершинам. Одна — вполне послушная среде, но мечтающая непременно вырваться из нее и другая — крушащая всё на своём пути в той же самой среде, но бесконечно преданная ей и неотделимая от нее ни в горе, ни в радости. Осторожная поступь одной, невозможная без мотивирующей и воспламеняющей силы другой. Другой, чья неукротимая энергия, неудержимая страстность во всём, к чему она прикасается, бескомпромиссная правда и стремление во всём оставаться самой собой, приводит в движения все и всех вокруг. Она всегда вне, вне правил, вне толпы, вне времени и тем ни менее, именно её присутствие наполняет всё содержанием и смыслом. Два причудливо переплетённых образа сливаются, черты и той, и другой начинают казаться Женщине единым целым, знакомым и понятным, словно разные этапы её собственной жизни. Женщина отрывает взгляд от текста и, немного отстранившись, вглядывается в лицо сидящей рядом Девушки. Потом обнимает её одной рукой, прижимает к себе и опять погружается в чтение. Вне всяких сомнений, ей ближе бунтарка, и болит душа о той, что свершилась и преуспела, но так и не обрела внутренней свободы. Почему так страшит её смирение? Почему так дорог и близок образ непримиримости, страстности, саморазрушения, так завораживает стремление исчезнуть...

Женщина ищет ответов у Девушки, а та подходит к полке Заветных книг и достаёт ту единственную. Книга***, в которой таится начало и путь, где давно намечены все приоритеты и притаились все страхи. Книга-подарок в самом начале жизни...ЕЁ КНИГА. Там она была синим чулком, не вписывающейся в рамки ни общества, ни общественного мнения, здесь и сейчас её притягивало добровольное одиночество и бунтарство, но в основе всего одно и то же желание следовать своей правде, лишь своей.

— Ты думаешь, я это всё потеряла? — спрашивает Женщина Девушку.

— Нет, конечно нет. Иначе я бы не вернулась. Просто твои порывы утратили резкость, стремительность... стали мягче.

Женщина с благодарностью смотрит на Девушку, изо всех сил пытаясь поверить в сказанное. Какое-то время обе молчат.

— А ты заметила? — неожиданно спрашивает Девушка — Все эти книги написаны женщинами. Правда, та первая скрывалась под мужским псевдонимом, но это только исключение, подтверждающее правило. Ты находишься под впечатлением книг, написанных женщинами! Разве это не забавно, на фоне твоих рассуждений о мужской и женской прозе? О женских способностях только описывать существующее и мужских возможностях создавать целые миры?

На какое-то мгновение Женщину охватывает смятение. И правда, все эти книги, так захватившие её и заставившие оглянуться на себя саму, написаны женщинами. Отговориться тем, что нет сто процентных женщин и мужчин, кажется малодушным. Она

застывает в недоумении и вдруг её пронзает странная мысль. Она сама давно превратилась в нарратив истории, в отдельный мир, планету, которую можно обследовать и описывать, в которой есть свои законы и правила, своя история и свои герои. Планета, парящая наравне с триллионами таких же отдельных друг от друга планет. Так было всегда... испокон веков. Вот только сейчас, в эти странные времена безвременья, это стало заметнее.

Жизнь превращает нас в историю о нас. Мы сами авторы и герои. У кого-то получается роман, у кого-то рассказ или повесть, а кто-то весь уложится в эпитафию. Эта мысль уносит её все дальше и дальше, комната погружается в сумрак и тишину. Девушка? Женщина? Одна из планет среди триллионов подобных и уникальных одновременно?

Женщина берёт из рук Девушки Свою Книгу, кладёт на колени и прикрывает руками. Она ощущает её вес, шероховатость обложки, едва уловимый запах пыли, мысленно перелистывает пожелтевшие от времени страницы. Перед глазами проплывают образы, мысли, воспоминания. «Сними обувь твою...» — задумчиво произносит она, плотно закрыв глаза...

*****

** **Салли Руни** – новое имя в литературе, а самой ей, на время написания её второго романа «Нормальные люди», всего 27 лет. Когда-то это был вполне приемлемый возраст для заявления о себе как о серьёзном авторе. Сегодня, это возраст становления – взрослеют поздно. Технологические новшества летят со скоростью звука (кто знает, может нам и правда нужна была остановка?), а самопознание замедляется и то, что раньше выпадало на двадцатилетних, сегодня нехотя берется на себя тридцатилетними... В таких реалиях, Салли Руни – это настоящий феномен и не только из-за возраста. Её книга, написанная сегодняшним языком, о сегодняшних реалиях, о хорошо знакомых и чувствах, и переживаниях, поражает невероятной откровенностью, честностью и цельностью.*

*** «Моя гениальная подруга», «История нового имени», «Кто уходит и кто остаётся», «История потерянного дитя» — четыре книги составляющие Неаполитанский цикл итальянской писательницы, скрывающейся под псевдонимом **Элены Ферранте**. Являясь, по мнению многих критиков, одной из наиболее влиятельных личностей в итальянской литературе наших дней, она предпочитает оставаться в тени своих произведений и не считает, что знакомство с личностью автора является обязательным или важным для литературы. По её убеждению, «книгам не нужна фотография автора на обложке или рекламные презентации — они существуют как автономные организмы, которым личность автора ничего не добавит»*

**** «Сними обувь твою» — роман **Этель Лилиан Войнич**, подаренный мне профессором литературы Калининградского университета Тamarой Львовной Фульфович в далеком 1971 году. За три года до этого я с упоением прочитала «Овода». Узнав об этом, Тамара Львовна и подарила мне двухтомник Войнич, в котором был этот роман, под впечатлением которого я нахожусь всю свою жизнь.*

**** Из стихотворения *М.Цветаевой* *Любовь*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и закончился первый этап эпопеи с пандемией коронавируса. Судя по всему, за ним последуют и второй, и третий этапы, и, не дай Бог, следующие по очереди. Первый шок сменился первым приятием и недолгим притуплением чувства опасности. Некто Кто-то, кому в отличие от нас смертных, все известно наперёд, опять призвать нас к порядку, окатив второй волной. Самое время признать унижительную для человечества реальность. Мы не всеильны, не прогрессивны и не цари природы. Как минимум каждые сто лет нас поражает неведанный доселе недуг, и мы, с завидным постоянством, погружаемся во мрак, превращаясь из властителей жизни в её подопытный материал. И тогда нам говорят: Разойдитесь! Соблюдайте дистанцию! Остановитесь! Задумайтесь!

Задуматься тяжелее всего... Из века в век, мы мним, что неумолимо движемся вперед. Вперед куда? К чему? Были времена, когда впереди ожидалось несметные богатства, были и те, когда впереди манило безграничное знание, случались и такие казусы, когда впереди маячила абсолютная свобода, равенство, вседозволенность. Что означало для нас Вперед в преддверие случившегося? Наверно, все то же самое плюс технический прогресс, ведущий нас прямым путём к бессмертию. И то сказать, времени хоть отбавляй! В тридцать ещё дитя, а в шестьдесят – самое время начинать жить. Несколько лет тому назад провели опрос в домах престарелых. Задавали всего один вопрос: Если бы вам предложили бессмертие, причем при полном здоровье, достигаемым путем замены сносившихся частей тела на искусственные и не снашиваемые, вы бы согласились? Ответы разделились в соответствии с условиями проживания: в благоустроенных домах престарелых обитатели были двумя руками За, а в бедных, неблагополучных – предпочитали вежливо отказаться. Объединяло их только то, что и те, и другие не хотели продолжать жизнь лишившись разума, но интересно, что, при благоприятных обстоятельствах, бессмертие не казалось никому из них через чур дерзким посягательством на замысел божий. Сегодня это кажется невероятно далёким... сама возможности подобного опроса. Я человек не религиозный, но искренне верующий в то, что вся наша жизнь – это один непрерывный урок. Если и есть Некто присматривающий за тем, чтобы мы не отлынивали от него, не забредали случайно ни в те классы, не растрчивали свои усилия в холостую, не разбазаривали врождённые таланты, навряд ли Он опускается до банальных наставлений и наказаний. Он просто останавливает время и даёт нам шанс задуматься. Задуматься тяжелее всего... Порой для этого необходимо отбросить весь свой опыт, все свои приобретённые знания и начать сначала. Когда веками веришь, что движешься вперед, начинать сначала – это пытка, как Сизифов труд, лишённый смысла, результатов, вечный, беспросветный путь в никуда. Но если задуматься и представить, что мы просто идём в неправильном направлении, если осознать, что нам из раза в раз намекают на нашу ошибку, если оглядеться вокруг и увидеть

иные горизонты, поменять направление, отбросить привычные мудрости, то возможно всё покажется не таким уж и безнадежным?

Так, рассуждения на вольную тему... Конечно, найти виноватых, а лучше виноватого, действовать, ораторствовать, зажигая оболваненную и оголтелую толпу – это привычнее. Сколько всего уже добилось человечество протестуя? Опыт, что ни говори!

Есть те, кто задумываются, а есть те, кто бунтует. Мне не нравятся сегодняшние бунты! Лозунг «Запретите запрещать!» - мне всегда казался опаснее любого запрета. Свобода выбора не равна вседозволенности. Не принимающая ничего на веру, готовая за свою правду идти ва-банк, я не принимаю и не понимаю сегодняшние протестные движения, не принимаю огульные обвинения, агрессию идеологических движений. О каких мировых заговорах идёт речь? Наш земной шар, населённый столь разными народами, управляемыми столь разными правительствами, в первую очередь характеризующими неизменным соблюдением собственных интересов. Как вы себе представляете единство интересов между столь непохожими друг на друга странами, правительствами? Если бы такое единодушие могло быть возможным, мы бы были совсем другой планетой. Мы бы договорились о сохранении экологии нашей планеты, мы бы заботились об её чистоте, мы бы уничтожили все военные потенциалы, мы бы много чего могли сделать, но факты говорят обратное. Неужели никому из протестующих против масок и карантин не приходит такая идея в голову? Тем то и славится род человеческий, что мы, в массе своей, всегда ищем выгоду, как ни цинично это звучит. Как может быть выгода общая для всех? Трудно представить, что правительства всех стран решили помочь обогатиться фармацевтическим компаниям, ценой свободы собственных граждан. Трудно представить, что финансовый кризис выгоден всем странам без исключения. А ведь болеют и там, где капитализм, и там, где социализм, и там, где абсолютные монархии и конституционные, и где граждане приучены к порядку и там, где нет, и там, где сыты и там, где умирают от голода. В чем логика? *В странах, где правительства явно не справляются со своими задачами или пытаются использовать ситуацию в своих личных интересах, народ выходит на демонстрации и это мне понятно. Сама бы пошла!* Но там, где, желая уберечь своих граждан просят соблюдать правила, протесты, мне видятся, просто неуместными. Мне кажется, что именно единодушие в этом стремлении указывает на какой-то качественный поворот в привычном ходе истории - беспрецедентная попытка в истории человечества, проявить повсеместно заботу о своём населении. Лично меня, это обнадеживает... Возможно это новый виток гуманизма? Мне нравится так думать... Мне нравится полагаться на логику, но порой, её вопиющее отсутствие приводит в отчаяние... Я не против аллегорий, но сравнение жёлтых звезд, коими помечали целый народ для дальнейшего планомерного уничтожения, с требованием носить защитные маски, заставляет усомниться в человеческом разуме. «Ничего не ново под луной» ... Сегодня жертву припомнят как аллегорию, а завтра из той же жертвы сделают злодея и виноватого во всех грехах человеческих. За примерами далеко ходить не надо. На фоне всего происходящего, такой поворот событий, выглядит вполне реальным. Вот тогда мне действительно становится страшно...

Время неопределённости, отсутствия надлежащего опыта, непредсказуемость – это сегодняшняя реальность. Я бы не стала завидовать сидящим на вершинах власти, не хотела

бы оказаться на их месте. Думать, принимать решения, действовать в таких условиях, ещё тяжелее, чем просто задумываться.

Много воды утечет, прежде чем истинная картина происходящего прояснится... Многие головы полетят и многие жизни исчезнут... Так создаётся История, частью которой нам привелось стать.

***

Собранные здесь вместе заметки, зарисовки, рассказы, написаны в реальном времени – это мои хроники первой волны пандемии. Я назвала ее нулевым этапом, искренне думая, что всё предыдущее обнуляется и после того как это все закончится нам придётся все начинать сначала, с новой точки отсчета. Для меня это некий период невинности и осмысления одновременно. Осмысление происходящего, наблюдение за собой, своими реакциями, метаморфозами... исключительно личный опыт...